

Любовь ЛИХОМАНОВА

МАЧО

Комедия-быль

Действующие лица

В а с и л и й С т е п а н о в и ч (д е д В а с и л и й), по прозвищу Поплавок, 80 лет, пенсионер
 М а р ь я Е г о р о в н а, 73 года, пенсионерка
 Д а р ь я Н и к и т и ч н а, 75 лет, пенсионерка
 А н д р е й М и х а й л о в и ч (О н д р ю х а), 38 лет, капитан милиции
 Ф ё д о р И в а н о в и ч, 78 лет, пенсионер, приятель Василия Степановича
 А н н а Н и к о л а е в н а, 48 лет, сельский фельдшер
 В а л е н т и н а, 43 года, почтальонка
 Н и к о л а й П е т р о в и ч, 52 года, председатель сельсовета
 Г а л и н к а, 35 лет, секретарь сельсовета
 Т и м о ф е й В а с и л ь е в и ч, 58 лет, сын Василия Степановича

Место действия: деревня Шербинка на северо-западе России

Время действия: начало 2000-х годов

Сцена 1

У калитки во двор Поплавка. Зимний полдень

Василий Степанович прометает голиком снежную тропинку к дому. Мимо калитки проходит участковый Андрей Михайлович, окликает деда.

А н д р е й М и х а й л о в и ч. Здорово живёшь, дед Василий! Много ли рыбы-то давеча наловил? Видал тебя этта на речке: как лунь, над прорубью завис... Не отморозил пятую-то точку?

Д е д В а с и л и й. Здорово, Ондрюха! Да половил малость, себе на ушицу да коту на потеху. Ноне уж больно студёно, лунка вдругорядь смерзается, дырявить не поспеваю.

А н д р е й М и х а й л о в и ч. Ну так! Не зазря ты Поплавком-то издавна кличут! Я ишо голоштаным по деревне бегал, а помню — без рыбы с реки никогда не уходил!

Д е д В а с и л и й. Да, Ондрюшка, вот ить жизнь-то пролетела, вчерась ишо без порток бегал, а ныне — начальство, капитан милиции!

А н д р е й М и х а й л о в и ч. Да уж... А чё один-от, Степаныч, рыбачил, где приятель-от твой, али в город усвистал?

Д е д В а с и л и й. Какоё! Спину у яво вчерась схватило. Лежит болезной на печи. Заходил к нему давеча, печку растопил, кирпичи горячие прикладывал, Нюшка-медичка уколы прибежала делать. Дык ведь орёт, ровно малой, боится... И смех, и грех с им... Некому управить-то...

А н д р е й М и х а й л о в и ч. Да, без бабки Зинаиды ему неповадно... Непривычно одному-то...

Д е д В а с и л и й. Худо одному, Ондрюха, чё и баять... Я вон тожа никак не свыкнушь, что один остался. Почитай, три уж года прошло, как Настасьюшка-то моя померла... Кажинный день, бывает, добрым словом помяну её, голубушку. А Федька и того мене вдовствует... Так-то... А ты чё к нам-от пожаловал, али чё набедокурили хто?

А н д р е й М и х а й л о в и ч. Да нет... Кому бедокурить-то ныне... Сам знаёшь, зимой-то вас четверо во всей деревне и живёт. Ты, дед Федор, да бабки Марья, да Дарья, да ишо чётые кота, да Сивко Федоров, да пёс прибудный, вот и всё население.

Это летом городских пруд пруди, а зимой тишь да гладь. К Марье иду, с военкомата бумага пришла, помощь ей положена денежная как солдатской вдове.

Дед Василий. Хорошее дело! Пятистенок-то ейной совсем покосился, надо бы нижние венцы поменять, по лету-то дачники за деньги авось и подмогнут. Мы-то с Федькой невелики помощники...

Андрей Михайлович. Ну, давай, дед Василий, покедова! Не хвораи!

Дед Василий (*машет рукой вслеп, уходит к крыльцу*). Покедова, покедова...
Поди с Богом!

Сцена 2

В избе Марьи Егоровны. Зимний вечер

Марья Егоровна сидит на табуретке у печки и вяжет носки. Раздаётся стук в дверь.

Марья Егоровна. Кто там? Отворяйте, не замкнуто...

На пороге появляется запыхавшаяся Дарья Никитична.

Дарья Никитична. Вечор добрый, Егоровна! Я чё к тебе прибёгла-то? Давеча к тебе Ондрюшка, Михайлы сын, приходил, не стряслось ли чё? Умутохалась вся, пока по сугробам-то с другого конца деревни приползла. Може, думаю, помочь чё нада.

Марья Егоровна. Здорово живёшь, Дарья! (*Смеётся*). Чё, любопытство ты замучило? Да эдак что, и до утра не терпится? У колодца встретились бы, осказала. А ну как бы ты, эдакую махоньку да сухоньку, в сугробе замело бы, до весны и куковала бы тамо-ка... Да ладно, проходи, разоболокайся. Самовар закипает, чаю похлебаем.

Дарья Никитична. Ой, спасибочки, Марья! Не откажуся, змерзла... Так чё Ондрюшка-то прибежал?

Марья Егоровна. Бумагу с вонкомата приносил, помош мне как вдове солдатской геройски погибшего в бою оказывают денежну. В сельсовете надоть буде получить.

Бабка Дарья снимает шубейку, садится за стол. Марья наливает ей чашку чая.

Дарья Никитична (*наливает чай в блюдце, громко прихлёбывает, вздыхает*). Повезло те, Егоровна! Хоть и намаялась ты одна-ти после войны, а всё же уважили, упомяли, помош вот дают как солдатской вдове, а мне ничё уж не дадут, хоша и я вдова...

Марья Егоровна. Ну, так ты-то кака вдова? Проста невезучая баба... Твой-от Прокоп с войны хош и раненый да с медалью пришёл, да куды ударился-то? В пьянку... Вот то-то и оно... С её и погинул... Да ты хотя бы счастье бабье краешком зазнала... А я-то ить, почитай, со свадьбы Емельяна- то на войну проводила, недолюбила, недоласкала. У ты хош робятишка народились, есть кому на погост свезти... а я...

Несколько минут обе сидят молча.

Дарья Никитична. Ну да ладно... чё из пустова в порожнее переливать, не прибует... Скажи-ка мне, Марья, вот ты сериал-от новый по первой программе глядишь?

Марья Егоровна. Гляжу, знамо дело, а чё зимой-от в деревне ишо делать? Весной-от да летом — недосуг, а чичас-от слободна, гляди — не хочу.

Дарья Никитична. О-о-о! А я дак ведь вся извелась, чё дальше-то будет, кажинный день гадаю, пока серья-то не начнётся. Как оно у их всё обернётся, изладится? Какая жо эта Елена-ти мерзавка, подлюка кака! Так и норовит погубить Симону-то... Вот веришь ли, до слёз иной раз догляжу... А дон Педро-то красавчик какой! Баской какой артис-от.

Марья Егоровна. Ну так ведь... Знамо, небаских-от в кине не сымут... Молодые-то все баские, поди-ко. Глянь, какие мы с Емелькой были до войны-то. (*Показывает на висящую над столом старую фотографию*). Я хорошенькая была — высокая, дородная, волосы — воронье крыле, глаза зеленущие...

Дарья Никитична. Дык молода-то и я завидная невеста была, хош и маленькая росточком, а тороватая. Сватались-то не одне, а высочила вот за Прокопку, дура набитая. А всё потому, шо баской был, гармонию на гулянки носил, соловьём заливался... Эх, да что там старое поминать... Ой, засиделась я у ты, ходики-то вон уж сколь времени натикали... Скоро нова серья будет. Пошкандыбаю, чтоб не поздать. Оставайся с Богом!

Одевается, идёт к порогу.

Марья Егоровна. Не торопися, ишо час целой. Возьми хош заступ в сенях, а то завалиссе в сугроб-от, не сыскать будёт. Угресь воротишь. Прощевай, до завтрава!

Сцена 3

У колодца посреди деревни. Январское утро

С разных концов деревни к колодцу подходят с вёдрами бабка Марья и бабка Дарья.

Д а р ь я Н и к и т и ч н а. Здорово ночевала, Марья! Пол-утра ты выглядываю, заступ-от прибрала? У калитки твоей примкнула.

М а р ь я Е г о р о в н а. Здорово, Дарья! Да видала я. Ну, поспела на кино-то?

Д а р ь я Н и к и т и ч н а. Да едва не поздала... В голбец за картошкой ишо ползала, к паужне. Обмишурилась со временем-от. Включила — уж буквы пробёгли.

М а р ь я Е г о р о в н а. Опеть, поди, слёзы лила? Вон ведь что вытворяют! Страсти мексиканския! А Педра-то, вот ить каков изменщик коварный!

Д а р ь я Н и к и т и ч н а. Ох, и не говори! Вчерась меня эта Элен жидконогая до матюков прям довела. Так бы и шандарахнула её чем-нить.

М а р ь я Е г о р о в н а. Ты хош телевизор-от не шандарахни, куды после пелитца-то будешь?

Наклоняется над колодцем, набирая воду в ведро, подскальзывается, едва удерживается, чтобы не упасть.

Д а р ь я Н и к и т и ч н а. Сама-то хош не шандарахнись, иш ули-то всё. Кто вытаскивать-то станет... Вон Степаныча токо просить развя?

К колодцу подходит дед Василий, на нём большая меховая шапка, старомодная гублёнка, ватники и валенки.

Д е д В а с и л и й. Здорово, бабоньки? Всё киношных мужиков разбираёте? *(Озорно подмигивает)*. Чё, Марья, сюды бы хош одного не худо?

М а р ь я Е г о р о в н а *(смутившись)*. Да полноте, Василей, в наши-те годы токо про мужиков и думки...

Бабка Дарья склоняется над колодцем, черпая воду.

Дед Василий хлопает её, как бы невзначай, меховой рукавицей по заднице.

Д а р ь я Н и к и т и ч н а *(поднимает ведро, игриво отвечает)*. Вот ить, ловелас престарелый! Тапки белые шить пора, а всё туда жо!

Д е д В а с и л и й *(хохочет)*. А что, девки, я ишо ведь ничего! Это я токо с виду немного жизнью потрепанный. Есть ишо порох в пороховницах!!

М а р ь я Е г о р о в н а *(указывая на дедовы старые выцветшие ватные штаны с торчащими кое-где клочками ваты)*. Аха! Токо пороховницы ти твои моль почикала!

Д е д В а с и л и й. Могу за вами и приударить, не хуже вашего Педра. Гляжу, вы бабёнки ишо хоть куды! Токо вот вопрос, которую из вас и выбрать *(Хохочет. Опускает ведро в колодец)*. Я ить, бабоньки, в молодости-то покрасившее вашего дона Педра был, вся деревня меня обхаживала, а мне одна моя Настёнка всегда глянулась *(Вздыхает, поднимает ведро из колодца, неловко взмахивает руками и падает под ноги бабкам)*. Вот ить незадача, скользина-ти кака! О-ой, ой-ёй! Кажись, ногу повредил... А-а-а! *(Бабки бросаются подымать деда Василия. Он, крихтя и ойкая, держится с обеих сторон за их руки)*. Япона мать! Не могу на ногу приступить!! У-у-у, болько!!!

М а р ь я Е г о р о в н а *(качает головой)*. Эвона как ты! Хватайся уж за нас, дон Василей, придётся нам с Дарьёй тя до избы трелевать.

Д а р ь я Н и к и т и ч н а. Да ты чё, Марья? Как жо мы его утащим-то? Болшушой! Гли-ко, он ить шо мидвидь. Он ить меня задавит.

Д е д В а с и л и й *(стоя на одной ноге)*. Не боись, Дарья! Поприжму тока разве маненько, хош молодость вспомнишь...

Д а р ь я Н и к и т и ч н а. Тьфу на тя! Федора надо кликнуть...

Д е д В а с и л и й *(морщится от боли)*. Чего его кликать? Какой из яго помощник? На печи третий день прохлаждается — спину схватило.

Д а р ь я Н и к и т и ч н а. Ох, ты! Чё делать-то? Стойте тода тут-ка, я поду за санками схожу. Давеча кряжики в дровенник возила, всяко уволокём.

Дед Василий, ойкая, присаживается на сруб колодца, бабка Марья держит его под руку. Возвращается бабка Дарья с санками.

М а р ь я Е г о р о в н а. Карета подана, дон Василей! Давай ковыляй, потихонечку!

Дед Василий, держась за плечо Марьи, доскакивает на одной ноге и опускается в санки. Бабки берутся за верёвку и волокут санки.

Д е д В а с и л и й *(кричит озорно)*. Но-о-о, каурье! Битай небитого везёт!

Д а р ь я Н и к и т и ч н а. Молчи уж! А то вывалим на сугроб-от, довыкобенивашся!!!

Сцена 4

В избе Василия Степановича. Январский полдень

Бабки Дарья и Марья ведут заподруки скачущего на одной ноге дедя Василия, поднимаются на крыльцо, заводят в избу, сажают на лавку у стены.

Дед Василий. Ой, бабы! Не ровён час, сломил ногу те я... Дык чаво и делать-от буду топерича?

Марья Егоровна. Да уж, угораздило тебя, гвоздануться-то, Степаныч! Разоболокайся как-нить, давай помогу шоптаники-то снеть... *(Хватается за старые дедовы валенки)*. Ить наскрызь промокли...

Дед Василий. О-о-е-ё-ёй! Болько, Марья, помани, отдышуся... Сымай помалу...

Дарья Никитична. На-ко, снегу-то приложи, полегчает... Где у ты таблетки-то, нальгин али цитрамон? Еся?

Дед Василий. В комодё погляди, по лету зуб тосковал, Ньюшка приносила, так, может, оставались...

Марья Егоровна. Надоть запятку твою фельшарице показать, мабудь, сломил, и верно... ишь всгухла, ровно на дрожжах.

Дарья Никитична *(протягивает таблетку)*. На-ко, прими. Ужотка почтальонка Валуха придет, так накажу, чтоб Ньюрку послала. Токо скоро ли она придет, чай, не в соседней избе живёт... Говорили те по весне, рацию председатель сулил, пошто не согласился? Мы-то ведь не молодеем, кажинный день новая болячка, то там стукнет, то в другом мисте колынет.

Дед Василий. Шо толку-то в той рации, шумит токо — ровно ливень за окошком, ничё не слышать *(попытался было привстать на больную ногу, но скорчился от боли и уселся обратно)*. О-хо-хох! Как жо я топерь управляться-то буду?

Дарья Никитична. Дак вот, неуправа приключилась, чё и делать топерь? Сиди да не кикирикай! Придётся топерича над тобой шефство брать, ровно над челядью...

Марья Егоровна. Да полно вам, недалёко ведь, всего три километра, прибежит Ньюрашка, она на ногу скорая! Да уж ладно, поухаживаем за тобой, верно, Дарья? Как за доном Педро из телевизера.

Дед Василий. Дык мне, бабоньки, токо до субботы бы продержаться, там Тимоха со снохой придут, заберут меня в город. *(Немного помолчав, добавляет)*. Однако, а котата-то с собой забрать не дадут, лергия у их на шерсть-от... Да и картоха в голбце померзнет, топить-от не стану дык... Буду уж тутто-ка выживать... Вот Федька оклемаётся, подмогнёт. Вы токо первое время меня обиходьте, а после как уж нить...

Марья Егоровна. Изобиходим! Не сумлевайся! *(Обращается к бабке Дарье)*. Я ить и одна могу поуправляться, коли те, Дарья, недосуг...

Дарья Никитична *(испуганно)*. Да пошто же недосуг? Зима ить, не лето, делов-то помене... Нет уж, давай вместе ходить. А то ишо чё народ придумает, шуры-муры каки-нить на старости-то лет...

Дед Василий *(весело)*. Да уж, догляду за мной много. Я ить ишо бравый, а ну как чё надумаю сотворить?.. Нет уж, ходите обе, коли согласные.

Бабки Марья и Дарья *(радостно кивая, хором)*. Согласные мы...

Сцена 5

В избе Василия Степановича. Январский день

Дед Василий и Федор Иванович сидят на лавке, курят самосад. Входит Анна Николаевна, фельдшер. Разгоняет рукой облако дыма.

Анна Николаевна. Здравствуйте! Ну и надымили, хоть топор вешай! Поберегли бы лёгкие-то, чай не молоденькие! *(Открывает форточку)*. Как дела-то, дед Василий? Болит лодыжка-то? Мазью-то мажешь? Давай погляжу? Давно уж скачешь, заживать должна..

Дед Василий. Так вроде легчаёт... Попервости-то и приступать не смогал...

Анна Николаевна. А как чисто-то у тебя, пирогами пахнёт... Никак Федор Иванович эдак управляется хорошо?

Федор Иванович *(усмехаясь)*. Как жо, кто бы мене эдак управил!.. Зазнобы у яго появились, вот кажинный день спроведывают, управляются с им...

Анна Николаевна *(осматривает ногу, удовлетворенно кивает головой)*. Опухоль спала, это хорошо. *(И спрашивает весело)*. Уж не Дарья ли с Марьей?

Федор Иванович. Так точно! Обе две! Ходят за им ровно за малым дитём: и печь истопят, и портки выстирают, и штей наварят... Не жизнь, а чистый курорт! И

ведь что характерно, ишо и соревнуются, каждая стараясь угодить усерднее другой. Никак втюрились бабки в Василия!

Дед Василий (*сердито*). Скажешь ишо чего? Нашёл полюбовниц!!

Фёдор Иванович. А нече и баять, звал я которую-нить к себе управлеться — не идут... А к тебе ровно мёдом намазано...

Анна Николаевна (*смеясь*). Ты, Василий Степанович, поосторожнее бы... Марья с Дарьей хоть уж не девочки, а ну как и правда к тебе неровно дышат... Прихватит ретивое, чё станёшь делать-то?

Дед Василий (*вздыхает*). Нет уж, Нюрочка, все мои любви с Настюшей моей, на том свете остались... Никого не надо...

Анна Николаевна. Ну, ладно, поправляйся. Начинай уж потихоньку расхаживаться, тренируй ногу-то. Ну, побежала я, ещё в Займище к бабке Фаине заскочить надо! До свидания!

Дед Василий. А то, может, чайку попьёшь? Пирог-от у меня ныне шибко кусной, с капустой, не упомню токо, которая и пекла.

Анна Николаевна. Благодарствую, Степаныч, токо некогда мне, до сумерек поспеть надо домой воротиться. Оставайтесь с Богом!

Уходит.

Дед Василий (*кричит вслеп*). Беги, беги, милая! Спасибо тебе за заботу!

Фёдор Иванович (*кивая на двери*). Хороша бабёнка! Добрая, обходительная! Так наших женушек и вспомнишь...

Грустно вздыхает.

Дед Василий. Вот я тебе чего скажу, Федор! Без бабки, конечно, в хозяйстве недобро. Но я ить навродя от их заботушки и уставать начал. Две бабы на одной кухне не дело. Да и нога-то у меня проходит потихоньку. Это с одной стороны. А с другой вродя как уж и привык я к им...

Фёдор Иванович. Знамо дело, привык! Третью ниделю как дон Педро живёшь, на всём готовом!

Дед Василий. Дык ведь надо как-то и расставаться, не вечный век оне тут у меня будут ошиваться. Я уж один-от по избе потихоньку брожу... когда их-от нетутка. Сколь ишо мученика болезного изображать? Как их по-культурному-то и выпроводить, ума не приложу? Так ить что характерно, психовать друг на дружку стали, уркают, думают, я не чую...

Фёдор Иванович. Это оне тя поделить не могут... Ох, гляди, Степаныч, ишо войну затеют, так ты рикошетом-то и накроет по самое не хочу.

Дед Василий. То-то и оно. Дак как сказать-то им, что их миссия окончена... Как отставку-ти дать?

Фёдор Иванович. Думай, Вася, думай! А то покажут те Манька с Дарьей мексиканские страсти... Ха-ха-ха!

Дед Василий. Типун те на язык, Фёдька!

Сцена 6

В избе Василия Степановича. Февральский день

Бабки Марья и Дарья суетятся на кухне. Дед Василий у окна подшивает валенки.

Раздаётся недовольное ворчание бабки Марьи. Бабка Дарья ей резко что-то отвечает. Раздаётся звон разбитой посуды.

Марья Егоровна (*громким шепотом*). Ты совсем, чо ли, опупела, старая? Ты пошто вдругорядь суп-от посолила, ись ведь неможно?

Дарья Никитична (*с надрывом*). Ты сама-то не с копылков ли съехала? Когда-оть я яго посолить-то успела, я ж лук перебирала. Ты сидня на вареве, я не подходила, кошёлка дырявая! Сама пересолила, а на мя валит!!

Марья Егоровна (*сердитым громким шепотом*). Че хайло-то дерёшь? Думаешь не знаю, что Василию миня небаско хошь выказать? Одной управлеться шобы?

Дарья Никитична (*очень громким шепотом*). Глико, чё она баёт-то во всю головушку? Сама, поди, к Степанычу-ти присохла, вот всё и пересоливаешь. Давеча кашу-то тоже осолила. Молоком пришлось заливать!!

Марья Егоровна (*громко насмехается*). Акая ты заметливая!! Сама-то не знаешь, как перед Василием и выбаситься! Думаешь, невидко! Платок-от кажинный день новой, то зелёный, то синей... Тожа мне сударушка!!

Дарья Никитична. Я те чичас сковородкой-ти по балде-то настукаю, будёшь знать, как насмехаться...

Марья Егоровна (*выскачив в горницу*). Гли-ко, Степаныч, Дашка-ти совсем рехнулась, на людей кидается!!

Дарья Никитична (*замахивается сковородкой*). А не будешь ересь боркать! Совсем сказилась!

Дед Василий (*негодует*). Вы, чё, бабы, блажитё-то? Ровно хабайки на базаре!

Марья Егоровна (*кричит*). Это она всё, Василей! Всё мне на вред делает...

Дарья Никитична (*перекрикивая*). Не верь ей, Степаныч, она всё зачинает!!

Дед Василий (*очень громко, забывшись, топнув больной ногой, скривившись от боли*). Цы-ыц!! Чё ли я не слышу ваши подскрынки! Не первой раз уж лаеётся! Розбегайтесь, коли мир не берёт!! Не ровён час, подерётесь!! Хватит, науправлялись!! Благодарствую вам! Подите по домам, сам управлюсь!!! Раскудахтались, курицы! От вашего крика уж голову пучит!!!

Бабки испуганно смолкли, сникли, стоят, насупившись, глядя в противоположные друг от друга стороны. Марья хлюпает носом, Дарья вытирает слезящиеся глаза.

В избе несколько минут висит негодбоя тишина. Наконец, старухи опомнились.

Марья Егоровна (*тихо, перебирая руками фартук*). Ты это... не сердчай, Степаныч... Дык уж прости меня, всплыла я...

Дарья Никитична (*вытирая кончиком платка глаза*). Да и я ненарошно... Вылетело...

Дед Василий (*смягчаясь*). Вылетело у их... Неча мне невры закипат... Топерь уж я и сам управляться смогу... Может... Поодинке вас хватит... Вот чё я удумал. Коли вас мир не берёт, опекунскую вашу деятельность, коли желаете, можете продолжать по графику.

Марья Егоровна. Как это?

Дед Василий. А вот как. Марья, скажем, ко мне будет ходить по понедельникам и средам, а Дарья — по вторникам и четвергам...

Дарья Никитична. А в пятницу кто ж?

Дед Василий. В пятницу — ничейной день. Выходной у меня от вас, так сказать. Тем более что каждую субботу Тимоха мой приезжает, без вас три дня управлюсь! Согласны? (*Бабки серьёзно кивают головами*). Ну, вот эдак и постановим с завтрашнего дня...

Сцена 7

В сельсовете. Февральский день

Секретарь сельсовета Галинка читает за столом местную газету.

Входит бабка Марья.

Марья Егоровна. Здорово живёшь, Галинка! Замуж-от не высочила?

Галинка. Здравствуй, баба Марья! Каким ветром к нам? Случилось чё?

Марья Егоровна. Да Бог милвал! Про дрова пришла узнать. Николай Петрович ишо по осени телегу сулился дать. Да шо-то не везут, аль забыли нас, горемышных?

Галинка. Дак проходи, Марья Егоровна, он у себя, в кабинете. (*Распахивая дверь в кабинет председателя*). Николай Петрович, к вам просительница!

Николай Петрович (*сидит за столом, указывает на стул*). Здравствуй, Егоровна! Проходи, присаживайся! Как жисть? Чем обязаны?

Марья Егоровна. Здорово живёшь, Петрович! Вот пришла про дрова узнать, ишо по осени сулил, зима уж кончается, а воз и ныне там...

Николай Петрович. Помню, помню, матушка! Привезём на днях телегу. Али замёрзла? (*Широко улыбаясь*). Любовь-то али не греет?

Марья Егоровна (*сердито*). Кака любоф-то? Ты чё, Петрович, сказываёшь-то? Чай, не молодка я...

Николай Петрович. Ладно, шуткую я, Егоровна! Да люди-то сказывают, что вы с Дарьей шефство над Василием Степанычем взяли, хозяйство его по очерёдке ведёте..

Марья Егоровна. Так что с того? Помогаём яму, пока обезножил...

Николай Петрович. Так уж вроде давно нога-ти у его зажила... Вот народ и сумлевется, не охомутать ли его решили на юбилей-от...

Марья Егоровна. Какой такой юбилей?

Николай Петрович. Так восемьдесят ему скоро стукнет, 25 марта.

Марья Егоровна (*удивлённо*). Глико ты! И молчит ведь, ровно партизан! (*Довольно*). Ну, ладно, прощевай, Петрович, пора мне. Ты, гляди, сполняй, чё баешь!

Николай Петрович. Поди, поди! Исполню! Не хвораи, Егоровна!

Бабка Марья выходит из кабинета, сталкивается с подслушивавшей у двери, хохочущей в кулак Галинкой.

Марья Егоровна (*направляясь к выходу*). Любопытной Варваре нос оторвали!!!
Г а л и н к а. До свидания, Мария Егоровна! Всего доброго!

Сцена 8

В избе Дарья Никитичны. Февральский полдень

Бабка Дарья подметает пол. Раздаётся стук в двери, дверь открывается. На пороге стоит Валентина, деревенский почтальон.

В а л е н т и н а. Можно к тебе, Никитична?

Д а р ь я Н и к и т и ч н а. Проходи, Валюха! Из утра тебя выглядываю! Как поживаёшь?

В а л е н т и н а. Живём — хлеб жуём! Чё нам сделается? Денежок бы поболе, а так ничего... Давай расписывайся за пенсию.

Поает листок, отсчитывает деньги.

Д а р ь я Н и к и т и ч н а. Вот спасибо тебе, порадовала бабку. Топерь в лавку схожу, муки да сахару отоварю. Кончается уж всё. Пирогги-то часто пеку топерь.

В а л е н т и н а (*весело*). Наслышана, наслышана! Говорят, Василия Степаныча ублажаешь пирогамот!

Д а р ь я Н и к и т и ч н а. Вот языки у людей! Что коровье ботало! Нога у яго больная, помочь вот попросил... с хозяйством... Ничего уж тут такого...

В а л е н т и н а. А хоть бы и так. (*Смеётся*). Степаныч топерь жених-от богатой, пенсию ему добавили с 80-ти лет. С 25 марта много боле получать будет.

Д а р ь я Н и к и т и ч н а (*задумчиво*). Вот оно как! Не говаривал, не говаривал...

В а л е н т и н а. Молодится, поди-ко, скрывает... Ну, побегла я. Сидня всех обойти надо! Счастливо оставаться, баба Дарья!

Д а р ь я Н и к и т и ч н а (*отстраненно, задумавшись*). Побегай, Валюха! Спасибочки!

Сцена 9

В избе Василия Степановича. Мартовское утро

Дед Василий подходит к стене, на которой висит календарь, крупными цифрами на листке написано: 25 марта пятница.

Д е д В а с и л и й (*хмыкая от удивления, говорит сам с собой*). Хм-м-м! А у меня, оказывается, седня праздник! Вот ведь и не вспомнил бы, кабы не численник... Восемьдесят стукнуло сидня! Ох-хо-хо! Жизнья!!! (*Наливает себе чай из самовара, достаёт плитку шоколада*). Слава богу, сидня пятница! Ухажёрки не придут... Спокойно посижу. Завтрева сын с невесткой и с внуками навелят...

В двери кто-то тихонько скребётся. Дед удивленно поворачивается на звук.

В дверях появляется улыбающаяся, румяная с мартовского морозца бабка Марья.

Марья Егоровна (*медовым голосом*). Василей Степаныч! У тебя ноне аменины, так вот я и думаю, дай-ко зайду, проздравлю! (*Достаёт из подмышки поллитровку водки, кладёт на стол пакет с пирогом-рыбником*). Тяпло-то как у тя сидня...

Д е д В а с и л и й (*довольно хмыкнув*). Ну, коль пришла, разоболокайся!

Бабка Марья проворно скидывает тулупчик, разматывает цветастый платок, предстаёт перед именинником в почти неношеной ярко-красной кофте.

Сягаться за стол, выпивают по рюмочке, закусывают пирогом с треской.

М а р ь я Е г о р о в н а. А помнишь, Василей, мужа-то мово? Хороший он был парень, добрый, работящий...

Д е д В а с и л и й. Да сколь годов-то прошло, Егоровна? А Настёна моя тоже славная баба была...

Некоторое время снова сидят молча, выпивают, закусывают. Бабка Марья обмахивается платком от жары, снимает свою красную кофту, вешает её на крючок в прихожей, снова возвращается к столу. Глядит умилённо на деда Василия.

М а р ь я Е г о р о в н а. Жарко-то у тя как... (*Запевает*). Зачем тебя я, милый мой, узнала-а-а-а... (*Гладит его по руке*). За-а-ачем ты мне ответил на любо-о-овь?.. О-о-ох!! (*Озорно подмигивает деду Василию*). День-от сидня ничейной, значит, Дарья-то не

придет, она ж ниче не знает и не помешает нам. *(Пьяненко улыбается, довольная).*

К крыльцу дома подходит бабка Дарья, прислушивается к звукам песни.

Д а р ь я **Н и к и т и ч н а** *(рассуждает сама с собой).* Глико ты, старый-то, видно, телевизор на всю катушку включил ради праздничка! *(Мечтательно улыбается).* А хорошо хоть я юбилей-от в численнике ещё прежде отметила, хошь не забыла. В пятницу «дежурства» не бывает; пока Марья ничего не знает, проздравлю старого один на один, авось и угожу яму... Котлеток из лосятинки поедим, самогоночки выпьем!!! *(Бабка Дарья заходит в избу, в сумке – бутылка самогонки, в блюде – котлеты. Видит в прихожей кофту бабки Марьи, подходит и рассматривает её, заглядывает в горницу, изменяется в лице. Неожиданно резко кидается на супротивницу, кричит до визга).* Ах, ты, старая корова! Ах, ты, ехидна распроклятая! Ты пошто сюды заявилась? Седня не твой день! Окрутить Василея вздумала?!

М а р ь я **Е г о р о в н а** *(опешивши, поднимается со стула, тресётся от злости, стаскивает с тщегушной Дарьи платок с бахромой, вцепляется в седые жидкие волосёнки, неустово горланит).* А ты-то! Ты-то, клюшка старая, чего вздумала? Небось, тожа не мимо шла?! Я тебя-то помоложе буду, на целых два года!

Д е д **В а с и л и й** *(обомлевши, удивленно хлопает глазами, не находя слов).* Это вы чё? Перестаньте, бабоньки... О-о-о!!!! *(Со страхом).* Поубиваете ведь друг дружку! *(Вскакивает от стола, хватат печную заслонку и что есть мочи колотит в неё попавшейся под руку поварёшкой. Грохот сотрясает избу. Бабки замирают от неожиданности. Дед орёт).* У мя была только одна любовь – Настёна, и другой мне никакой бабы не надо! Если у вас на мя виды какие есть, остыньтё!! Коли вы, дуры старые, по-человечески не розумеете, то делить мя нечего! Эдакого сраму ещё не бывало! Ишь, разошлись, отеллы недоделанные! Вы... да вы...

Дед Василий хватается за сердце, обессилено опускается на лавку, закрывает глаза. Бабки обмирают, бегут за стаканом воды, подают деду, хлопают его по щекам, суют валидол.

Д а р ь я **Н и к и т и ч н а** *(со страхом).* Марья, беги к Федыке, пускай Сивко запрягает, за Нюшкой идёт!

М а р ь я **Е г о р о в н а** *(торопливо одеваясь).* Бегу, бегу! Я скоренько, Степаныч!

Сцена 10

В избе Василия Степановича. Мартовский день (продолжение)

Дед Василий сидит на лавке у стола. На столе лежит использованный шприц. Пахнет лекарствам. Посреди избы стоит Ондрюха. Дед Василий рассказывает ему, что произошло. Бабка Марья и Дарья мирно сидят по краям скамьи у «недоеденного и недопитого стола».

Д е д **В а с и л и й.** Вот эдак оне меня и довели... Вот, Ондрюха, оттого моторчик-то у мя и забарахлил...

О н д р ю х а *(пряча улыбку, нарочито строго смотрит на старух).* Ну что, гражданочки? В острог захотели? Придётся протокол на вас писать за нанесение лёгких телесных повреждений!

М а р ь я **Е г о р о в н а** *(испуганно, быстро-быстро говорит).* Да ты что, Ондрюшка! Это всё Дарья, как бы она не заорала как оглашенная, ничётъ бы и не было! А у меня нервы не жалезные, вот и вспылила!..

Д а р ь я **Н и к и т и ч н а** *(перебивая, торопливо).* Не слушай её, Ондрейка! Она мне гребёлку новую сломила, эдакая гребёлка хорошая была, зять подарил! А ишо она мне клок волосья выдрала, топерича голова болит! А я-то ведь только ей немного физьёномию поцарапала, и всё!

Обе бабки, перекрикивая друг друга, пытаются сказать милиционеру каждая своё.

О н д р ю х а *(громко, нарочито строго, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться).* Так, бабки!! Постановляю своей властью график опекунства вашего временно приостановить, а мачо Василия до лета на излечение к сыну в город отослать. А не то вы его своей избыточной любовью изведёте вконец. Всё! Слободны! Идите по домам!

Бабки, опустив головы, выходят из избы Степаныча.

Сцена 11

Во дворе Василия Степановича. Мартовский день

Во дворе стоят Василий Степанович, Федор Иванович. За калиткой, каждая со своей стороны, наблюдают за происходящим бабки Марья и Дарья.

Дед Василий. Ну, Федя, вручаю тебе моего котофея! Позаботься, куда я не вернусь.

Фёдор Иванович. Так а где он, Мурзик-от твой?

Дед Василий. Убег уж? Поди, по бабам пошёл, март ведь на дворе! Нагуляется, так плесни молока-то ему, труженику...

Фёдор Иванович. Не боись, всё излажу как надо!

Подходит сын дедки Василия Тимофей.

Тимофей Васильевич. Ну, батя, кажись, всё собрали. Сидай в машину!

Дед Василий. Федор, бывай! Гляди, энтим *(кивает в сторону бабок)* особо не поддавайся!

Фёдор Иванович. Будь покоен, мачо Василей! Дульсинеи по те сохнут, мине они без опаски. Бывай!

Все уходят. Во двор заходят бабки Марья и Дарья.

Садятся рядышком на крыльцо. Некоторое время сидят молча.

Марья Егоровна *(вздыхает)*. И че топерь до огородов делать? Скукотища!!!

Дарья Никитична *(согласно кивает головой)*. Ну да... До мая Василея не жди...

Марья Егоровна *(задумчиво)*. Пойти, что ль, у Федора в избе прибраться?

Занавес